

УЕЗДНЫЕ КОМИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: 1920–1925 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)

Партийный аппарат ленинской партии строился как иерархическая система, приспособленная к административно-территориальному делению. Важным звеном партийного аппарата были уездные комитеты, подчиненные губернским. Штаты уездного комитета колебались от 10 до 27 сотрудников. Персональный состав служащих часто обновлялся, их квалификация оставалась довольно низкой, на уровне краткосрочных курсов. В связи с районированием количество уездных комитетов постепенно сокращалось, к концу 1925 г. они прекратили свое существование.

Партийный аппарат РКП(б) строился как многоуровневая система: Секретариат ЦК, областные бюро ЦК, губернские, уездные, районные и волостные комитеты. Низовые звенья партийной машины, особенно уездные комитеты, играли решающую роль в осуществлении политики партии в деревне.

Согласно уставу 1919 г. в уездный партийный комитет избирали 5–9 товарищей. Лишь трое из них принадлежали к числу профессиональных партийных работников: секретарь и заведующие двумя ведущими отделами. Они составляли так называемую рабочую тройку, которая руководила коммунистами уезда. Остальные члены уездного комитета представляли исполком совета, комсомольскую организацию и т.п. Раз в полтора месяца эти люди участвовали в заседаниях пленума уездного партийного комитета. Ежедневное руководство осуществляла «рабочая тройка», возглавлявшая партийный аппарат. У непосвященных создавалось впечатление, что на уездном уровне существовало коллективное руководство, а техническую работу ведут всего три функционера. В действительности аппарат уездных комитетов был намного больше.

Составители устава 1919 г. сознательно опустили вопросы партийного аппарата, его штатов, системы оплаты. Уже к концу 1919 г. число сотрудников аппарата укома превышало состав выборного комитета. Если сотрудники аппарата только назначались, то рабочие тройки «рекомендовались к избранию» вышестоящей инстанцией. Губернские комитеты перебрасывали уездных функционеров и в промежутке между выборами укомов.

В Сибири становление уездного звена партийного аппарата началось с 1920 г. В сравнении с губкомом, укомы формировались с большим трудом. Сказывалась слабость городов Сибири, недостаток образованных коммунистов. К тому же уездный партийный аппарат требовал работников в семь раз больше в сравнении с губернским. В 6 губерниях Сибири в 1920 г. насчитывалось 42 уезда. Губернские комитеты РКП(б) назначали уездные бюро, которые занимались собиранием партийных сил. Так, Омский губком поставил во главе всех 10 уездов специальных функционеров, которые возглавили уездные организационные бюро. Томский губком создал 6 уездных бюро. Каждое из таких бюро насчитывало не менее 10 функционеров, примерно половину из них составляли инструкторы.

В сравнении с губернским, уездное звено партийного аппарата обновлялось быстрее. Постоянные так называемые перебриски и мобилизации порождали «текучесть кадров». Функционеры уездного масштаба задерживались на одном месте, как правило, не более 6 месяцев.

Структура уездного комитета копировала губернскую. В уездах создавались те же отделы с целью ускорить пе-

редачу директив вышестоящих инстанций. Так, Тюкалинское уездное организационное бюро имело следующие отделы: 1) информационно-статистический; 2) по работе в деревне; 3) субботников; 4) секретариат [1].

В структуре укомов, которые действовали в сельской местности, отделы по работе в деревне были явно излишними. Их заведующие подчинялись как уездному бюро, так и губернскому отделу по работе в деревне. Уездный организатор имел право периодически созывать районных организаторов и перемещать их из одного района в другой. В августе Сиббюро ЦК потребовало от губкомов «в кратчайший срок» заменить ранее назначенные бюро избранными на конференциях уездными комитетами. Продолжавшиеся перебриски и мобилизации не позволяли сделать это.

Становлению уездных комитетов препятствовала подготовка районирования, которая началась в конце 1920 г. и затнулась на три года. Надежда на скорую ликвидацию укомов не способствовала их укреплению. Делегаты I Томской губернской конференции (июль – август 1920 г.) отвергли деление на уезды как старое и не соответствующее времени.

Уездные комитеты объединяли сельские партийные организации, которые в соответствии с коммунистической идеей имели более низкий статус по сравнению с рабочими. Неудивительно, что функционеры, попавшие на уездные должности, стремились повысить свой статус. Выход им подсказывала базовая идея большевизма о приоритете города над деревней. На территориях, которые можно было условно назвать рабочими, губкомы стали создавать райкомы.

С конца 1920 г. Секретариат ЦК взял курс на унификацию структуры парткомов. Были собраны сведения о конструкции уездных комитетов с целью ее улучшения. В октябре 1920 г. Сиббюро ЦК провело совещание представителей губкомов Сибири, на котором одобрили «Тезисы о строении и штатах комитетов» [2]. Штаты уездных комитетов выросли до 50 сотрудников. Год назад эта цифра составляла 10–12 ставок. Четырехкратное увеличение штата объясняется стремлением иметь инструкторов и помощников из такого расчета: по одному на каждый район. Того же требовал от уездных комитетов женотдел Сиббюро ЦК. Следует учитывать, что в каждом уезде насчитывалось шесть и более районов. Без инструкторов и их помощников штат укома составлял уже не 50, а 27 сотрудников. Но даже минимальный штат аппарата укома в три раза превышал число членов выборного уездного комитета.

К концу 1920 г. ЦК и Сиббюро удалось упорядочить структуру уездных комитетов региона. По-прежнему нерешенным оставался вопрос о взаимоотношениях губер-

ского и уездного комитетов, располагавшихся в одном городе. Циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б) от 31 января 1921 г. предписывал всю работу в губернском городе и одноименном уезде передать в ведение губернского комитета. Уездногородские комитеты упразднили, также ликвидировались выборные уездные комитеты. При этом повторялась прежняя установка о приоритете города над селом. Циркуляр разъяснял: «Но совершенно организационно и политически неправильно организовывать особый выборный уездный комитет, следовательно, исключительно крестьянский, без участия в нем городского пролетарского элемента» [3].

22 марта 1921 г. появился очередной циркуляр партийного центра Сибири. В нем разъяснялось, что для руководства парторганизацией в уезде при губкоме создается секретариат уездных дел (усекретариат). Во главе усекретариата стоит ответственный организатор уезда (секретарь по уездным делам), утвержденный уездно-городской конференцией, который является членом губкома. Барнаульский усекретариат принял постановление об объединении партийных и советских инструкторов [4].

Вскоре сполна выяснились все недостатки уездных секретариатов. Томский губком отмечал, что «организационная форма усекретариатов является самой мертвой, самой безжизненной. Ярким примером тому мог служить Томский усекретариат, который, не имея аппарата, влачил самое жалкое существование» [5]. Уже в марте 1921 г. на совещании секретарей губкомов Сибири высказывались мнения о нецелесообразности уездных секретариатов при губкомах, поэтому мартовский циркуляр был отменен. Тем не менее, полностью усекретариаты не ликвидировали. Прошло предложение В.Н. Яковлевой оставить секретариаты лишь в тех местах, где нет или слишком мало пролетариата [6]. Совещание постановило: «Уезды же, как общее правило, должны обслуживаться уездными комитетами» [7]. Уездные секретариаты стали обзаводиться собственным аппаратом и превращаться в полноценные укомы. До V Сибирской партийной конференции (март 1922 г.) параллельно существовали уездные комитеты и уездные секретариаты. Таким образом, попытки найти какую-то особую форму для партийной работы в городе и уезде одновременно не увенчались успехом. В итоге в губернских городах были созданы типичные уездные комитеты, которые руководили волпартками и ячейками близлежащих сел.

В 1920–1921 гг. уездным комитетам реально удалось подобрать одного или в лучшем случае двух инструкторов. А вот их помощников, или так называемых районных инструкторов, приходилось около десятка на каждый уком. Разумеется, не все районные инструкторы становились уездными. Институт инструкторов рассматривался как своеобразная школа ученичества и отличался крайней текучестью кадров.

Уездные комитеты строились по образцу и подобию губернских. Будучи на ступень ниже, они не могли позволить себе роскоши полного копирования структуры и штатов губернских комитетов. Тем не менее, подобные попытки предпринимались отделами по работе в деревне. Если на губернском уровне еще можно было признать необходимость отделов по работе в деревне, то на уездном – весьма сомнительно. Выделение деревенских отде-

лов в сельских укомах было нецелесообразно. Когда партийный аппарат только создавался, проблема роста его штатов никого не страшила. Так, в конце 1920 г. – начале 1921 г. Тарский уездногородской комитет Новониколаевского уезда в составе организационно-инструкторского отдела имел подраздел по работе в деревне. В конце 1920 г. Томский губком разработал «Положение об отделах по работе в деревне при Томском губернском и уездном комитетах РКП(б)» [8]. Штат губернского отдела предусматривал заведующего, заместителя и трех инструкторов. В аналогичном уездном отделе было на одного инструктора меньше. Таким образом, укомы копировали не только структуру, но и штаты губкома. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) дал команду упразднить уездные отделы по работе в деревне. Их функции передали организационно-инструкторским отделам укомов.

В первой половине 1921 г. в Сибири стали появляться городские райкомы. Это ускорило ликвидацию уездногородских комитетов. Началось укрепление уездных комитетов, примыкавших к губернскому центру. По-прежнему наиболее слабым оставался Иркутский уком. Большую часть его функций выполнял аппарат губкома [9]. В первой половине 1921 г. число ответственных работников в Кузнецком уездном комитете колебалось от 6 до 10 [10].

В октябре 1921 г. в Калачинском уезде Омской губернии насчитывалось 6 ответственных работников, не достало только заведующих агитотделом и женотделом. В Тарском укоме трудилось 9 функционеров. В агитотделе Каргатского укома Новониколаевской губернии было 3 сотрудника из 3а отдела. Они были плохо подготовлены даже технически. На все отделы уездного комитета приходилась только одна пишущая машинка [11].

Таким образом, к концу 1921 г. ни один уком Сибири не достиг установленного года назад штата в 50 сотрудников. Общепартийное совещание секретарей обкомов и губкомов 27–29 декабря 1921 г. утвердило новые штаты уездных комитетов. Укомы первой группы получили по 18 ставок, а второй – по 15. Штаты укомов первой группы урезались с 50 ставок до 18. «Под нож» попали преимущественно технические работники. В новом штатном расписании отсутствовали сотрудники хозяйственной части. Разумеется, их не уволили, а «вывели за штат», дабы не раздражать ортодоксальных коммунистов ростом числа obsługi. В отчете управляющего делами Енисейского губкома указано количество продовольственных пайков, отпущенных укомам в октябре 1922 г.: Минусинскому – 50, Канскому – 44, Красноярскому и Ачинскому – по 40, Енисейскому – 21 [12]. Это еще раз подтверждает, что количество сотрудников укомов оставалось прежним, но часть обслуживающего персонала официально не считались работниками аппарата. Сокращению подверглись инструкторы, а также руководители национальных секций. Совещание секретарей губкомов 27–29 декабря 1921 г. признало необходимым иметь в укоме 3 инструктора. Ранее число инструкторов составляло 6–8 чел. из расчета по одному на район. Иными словами, штат инструкторов сокращался в 4 раза, но существенно повышалась требования к их квалификации. Предписывалось вербовать инструкторов из функционеров уездного масштаба минимум с двухгодичным партийным стажем и

годовым опытом службы в партийном аппарате. Таких кадров в Сибири явно не хватало.

По данным всероссийской переписи 1922 г., в шести губерниях Сибири действовало 32 уездных комитета РКП(б). Следовательно, общее число штатных работников уездного звена составляло около 580, а с учетом скрытых технических работников – примерно 1 440.

Местные комитеты постоянно просили ЦК увеличить им штаты. В ответ Секретариат ЦК разъяснял необходимость обстоятельной мотивировки каждого отдельного случая пересмотра штатного расписания. Например, при требовании дополнительных ставок для национальных секций следовало точно указать количество нерусского населения, число коммунистов и т.п. Центральный комитет, как правило, отклонял просьбы губкомов о выделении дополнительных ставок уездным комитетам. В феврале 1922 г. ЦК запретил создавать транспортные подотделы при уюках. Исключение делалось лишь для тех организаций, где располагалось депо с числом рабочих не менее 300 [13]. В Сибири ячейки железнодорожных депо подчинялись городским райкомам, поэтому уюмы не получили дополнительных ставок для усиления парторботы на железной дороге. В конце 1922 г. ЦК РКП(б) утвердил новые штаты. По сравнению с декабрем 1921 г. штаты уюмов первой группы сократились на 5 ставок, а второй – на 3. Для Сибири было сделано исключение. В регионе действовало прежнее штатное расписание: 18 ставок на уюм первой группы. Кроме того, Секретариат ЦК выделил дополнительные ставки инструкторов для уюмов Иркутской губернии, расположенных по линии железной дороги [14].

Весной 1922 г. XI РКП(б) одобрил предложение о переброске в двухмесячный срок из Москвы в провинцию, преимущественно в уездные комитеты, тысячи функционеров. Через два месяца ЦК проверил выполнение принятого решения. Были заслушаны отчеты местных организаций. О состоянии партийных комитетов Сибири докладывал Е.М. Ярославский. Главным недостатком по-прежнему оставалась нехватка опытных кадров в низовых звеньях партийного аппарата. Центральный комитет постановил дополнительно мобилизовать для Сибири и Украины по 80 функционеров уездного масштаба, для Северного Кавказа – 40 [15]. Учетно-распределительный отдел ЦК направил в Сибирь

81 функционера. В отчете ЦК XII съезду отмечалось выполнение плана мобилизации на 103%. К декабрю 1922 г. в Сибирь прибыли только 73 работника. Из них 46 были функционерами уездного масштаба и 16 – районного. Кроме того, в счет тысячи к концу года поступило еще 47 человек. Прибывших распределили по должностям в соответствии с их квалификацией [16].

С апреля 1922 г. по март 1923 г. учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б) направил в Сибирь и на Дальний Восток 320 функционеров уездного масштаба. Оборотный поток составил 284 человека. Причем большая часть возвращалась в Центральную Россию по своей инициативе. Руководство учетно-распределительного отдела с пониманием относилось к этому явлению. В его отчете прямо сообщалось об отсутствии охотников ехать на эти окраины. Проблемы партийного аппарата, тем более уездного звена, решались ЦК в так называемом рабочем порядке, без вынесения вопросов на обсуждение пленумов и съездов. По месяцу до XII съезда вышел циркуляр Центрального комитета «Штаты организаций РКП(б)». По новому штатному расписанию уездные комитеты делились на 3 группы в зависимости от числа объединяемых ими коммунистов.

Таким образом, Секретариат ЦК в очередной раз сократил штаты уездных комитетов. Если в декабре 1921 г. уюм 1-й группы имел 18 ставок, то в марте 1923 г. – только 15. Распределение уюмов по группам проводилось губкомов в пределах квот, установленных Центральным комитетом. Вместе с тем ЦК РКП(б) не стал связывать себе руки жестким штатным расписанием и сохранил за собой право увеличивать его (табл. 1, 2).

Пример предусматривалось, что 200 ставок орготделам даны исключительно для организации учета, а дополнительные должности пропагандистов предназначены уездным комитетам второй группы. В отчете XII съезду И.В. Сталин признал: «Мы слишком слабы в уездах» [18]. К этому времени в уюках трудилось около 25 тыс. сотрудников. Очевидно, что речь шла не столько о числе функционеров, сколько о степени их влияния на сельское население. ЦК РКП(б) не стал собирать сведения о всех уездных работниках. Секретариат ограничился постановкой на учет лишь пяти функционеров каждого уюма: секретаря и заведующих отделами [19].

Таблица 1

Структура и штаты уездных комитетов РКП(б) 1-й группы (март 1923 г.) [17]

Отдел	Должность	Число сотрудников
Общий	Секретарь уюма	1
	Заведующий	1
	Секретарь	1
	Бухгалтер	1
	Машинистка	1
Организационный	Сторож-уборщица	1
	Зав. отделом	1
	Зав. учет.-стат. подотделом	1
	Инструктор-организатор	2
	Статистик-информатор	1
Агитационно-пропагандистский	Зав. отделом	1
	Помощник	1
Женотдел	Зав. отделом	1
	Инструктор	1
Итого		15

Дополнительные штаты для уездных комитетов РКП(б) (март 1923 г.)

Отделы аппарата	Количество ставок
Транспортные	110
Организационные	200
Агитационно-пропагандистские	200
Контрольные комиссии	30
Истории партии (Испартия)	64
Итого	624

На заседании оргбюро ЦК 2 ноября 1923 г. Генеральный секретарь вновь обратился к проблеме уездного партийного аппарата. «По-моему, – говорил И.В. Сталин, – основная слабость в нашей распределительной работе состоит в том, что мы до секретарей укомов не добрались еще... Если плохи уездные работники – вся наша политика плоха. Пишите резолюции сколько угодно – мужик судит о советской власти по укомщику прежде всего. Вот почему наша ударная задача – овладение аппаратами уездных партийных организаций» [20].

Сокращение штатов оказалось весьма болезненным мероприятием. Осенью 1923 г. в Томской губернии укомы и райкомы сократили до 106 функционеров, а в январе 1924 г. – до 87. В отчете губернского комитета в апреле 1924 г. отмечалось: «Понятно, что при таких условиях работа должна была развалиться, но губком все же решил оставить прежний состав работников» [21]. Наиболее слабым звеном партийного аппарата по-прежнему оставались женотделы. К октябрю 1923 г. в целом по Сибири они были укомплектованы только наполовину. Сокращение штатов подталкивало к слиянию парткомов. В январе 1924 г. Кемеровский райком был поглощен Щегловским укомом. Сокращение штатов вынудило Красноярский уком в ноябре 1923 г. пойти на объединение партийных и советских инструкторов.

В начале 1924 г. Секретариат ЦК вновь уточнил штаты укомов. Они оставались практически прежними. Был сокращен лишь один технический работник в первой группе. Таким образом, ЦК часто публиковал в открытой печати новые штатные расписания, демонстрируя постоянное сокращение аппарата и его малочисленность. Одновременно Секретариат ЦК по специальной связи давал уездным комитетам разрешение на дополнительные ставки. В марте 1923 г. ЦК выделил дополнительные штаты для транспортных подразделов, в том числе и для укомов. На Сибирь дали 6 ставок [22]. В апреле 1924 г. с началом навигации Сиббюро ЦК выделило Тарскому укому ставку инструктора по судовым ячейкам. Постепенно состав укомов увеличивался. Сотрудники аппарата умело использовали очередные общепартийные кампании для расширения штатов. В октябре 1924 г. ЦК взял курс на оживление партийной работы в деревне. При этом укомы обязывались пополнить свой инструкторский аппарат работниками из крестьян. Были созданы специальные комиссии по работе в деревне. В Сибири подобные комиссии формировались не только на губернском, но и на уездном уровне. В январе 1925 г. Новониколаевский губком запретил уездным комитетам обследовательскую работу, т.к. они могли сделать неверные выводы. Уездным комиссиям рекомендовали сосредоточиться на инструктировании ячейек. В марте 1925 г. комиссия по работе в

деревне при Новониколаевском укоме постановила увеличить количество инструкторов до четырех [23].

В апреле 1925 г. Оргбюро ЦК запретило создание деревенских совещаний при уездных комитетах. В мае последовало решение об увеличении инструкторского аппарата укомов и средств, выделяемых на командировки. Укрепление инструкторского аппарата уездного звена отражало общую тенденцию усиления контроля над нижестоящими комитетами.

В связи с районированием к апрелю 1924 г. в Томской губернии осталось лишь два уездных комитета: Маринский и Томский. Первый из них объединял 97 ячейек, а второй – 124. Число ячейек в районах было намного меньше: в Анжеро-Судженском – 18, в Ленинск-Кузнецком – 23, в Прокопьевском – 14, в Нарымском – 16 [24]. К февралю 1925 г. остался один Томский уком. В июле 1925 г. Красноярский уком был заменен окружкомом. В октябре 1925 г. Бийский уком отчислен за год и уступил место окружкому. Долгие все уездные комитеты просуществовали в Иркутской губернии. Таким образом, к концу 1925 г. уездные комитеты прекратили свое существование в результате районирования.

Работоспособность уездных комитетов в решающей степени зависела от состава секретарей. Местные краткосрочные курсы не позволяли подготовить функционеров нужной квалификации. XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) постановил «в срочном порядке» организовать в Москве при Центральном комитете школу секретарей уездных партийных комитетов на 200–300 человек. Уже в июле 1924 г. состоялся первый выпуск. Было подготовлено 224 сотрудника [25]. 1 октября 1923 г. к занятиям приступили слушатели второго набора.

Во второй половине 1925 г. курсы уездных партийных работников при ЦК РКП(б) были существенно упорядочены. Занятия начинались с 1 сентября и продолжались год. Набор увеличили до 380 человек. Каждому региону квотировали определенное число мест, например для Сибири (без Якутии и Бурятии) – 30. Повышались требования к курсантам – партаже не менее трех лет, опыт работы в уездном и окружном масштабе – не менее двух лет, умение бегло читать и писать, возраст – 20–35 лет.

В июле–августе 1925 г. ЦК проводил двухнедельные курсы инструкторов уездных комитетов. За три набора через курсы прошли 273 коммуниста. Значительную часть из них представляли мобилизованные в счет тысячи. В августе 1925 г. ЦК РКП(б) подвел итоги мобилизации тысячи функционеров для пополнения инструкторского аппарата уездных комитетов. В Сибирь прибыли 11 работников. Лишь четверо из них были назначены на должности уездных инструкторов, а семь не имели нужной квалификации. Их распределили

на «низовую партийную работу». Несмотря на заслуги центральных школ и курсов, следует признать, что основную массу уездных работников подготовили губернские партийно-советские школы.

Решающую роль в создании и укреплении уездного партийного аппарата сыграли губернские комитеты. Они постоянно пополняли укомы кадрами, проводили многочисленные совещания, вели регулярные объезды местных организаций. Методы пополнения уездных комитетов часто напоминали военные. В декабре 1921 г. Томский губком постановил: «Поручить орготделу в недельный срок мобилизовать необходимых для Кузнецкого укома 10 работников» [26].

С декабря 1922 г. по март 1923 г. из Томска было направлено 9 функционеров уездного масштаба на должности секретарей и заведующих отделами укомов. Кроме того, учетные подотделы укомов пополнились семью товарищами, предварительно прошедшими стажировку в учетном подотделе губкома. С 15 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. Новониколаевский губком направил 29 сотрудников на укрепление укомов.

С декабря 1922 г. по сентябрь 1923 г. Енисейский губернский комитет перебросил в нижестоящие организации 43 функционера уездного масштаба. В Ачинский, Каинский и Минусинский укомы были посланы новые секретари и заведующий орготделом. Ранее эти товарищи занимали должности инструкторов губкома. К началу 1923 г. удалось добиться определенных успехов в укомплектовании аппарата укомов, даже в отдаленной Иркутской губернии. В отчете губкома давалась положительная характеристика Балаганского уездного комитета: «Аппарат укома укомплектован полностью, имеются заведующие на всех отделах и два инструктора, качественная принадлежность их для работы удовлетворительная» [27].

В конце 1923 г. Томский губком рекомендовал своего инструктора на должность секретаря Кузнецкого укома. Через полтора он был заменен другим функционером. В последний день января 1924 г. президиум Томского губкома специально обсуждал вопрос о состоянии аппарата укомов и райкомов. Решили просить Сиббюро ЦК «пересмотреть штаты в сторону увеличения». В августе и сентябре 1922 г. Алтайский губком мобилизовал 30 коммунистов из Барнаула на укрепление уездных комитетов. Половина мобилизованных оказалась недостаточно подготовлена для предложенных им должностей [28]. Омская газета поместила список 52 товарищей, мобилизованных для работы в деревне. За октябрь–ноябрь 1924 г. Томский губком мобилизовал на село 40 коммунистов. Поспешная акция оказалась неудачной. На пленуме губкома в ноябре отмечалось, что «все переброшенные в деревню скверно обеспечены и используются местами не совсем правильно» [29].

Губернские комитеты направляли в нижестоящие звенья аппарата все новых и новых сотрудников. При таких темпах наполнения уездных комитетов их аппарат мог увеличиться в 2–3 раза. Этого не происходило, поскольку отток функционеров из укомов продолжался. Все более актуальной становилась проблема закрепления кадров на одном месте на длительный срок.

Регулярное обновление работников было нормой того времени. Только в феврале 1925 г. расширенный

пленум Новониколаевского губкома принял решение о закреплении секретарей укомов на более продолжительный срок.

17 января 1922 г. Сиббюро ЦК утвердило тезисы об образцовых укомех и райкомах. Предусматривалось, что не менее трех членов образцового парткома будут сосредоточены на партийной работе. Кроме того, подобный комитет должен иметь не менее трех постоянных инструкторов. Таким образом, образцовым парткомом считался тот, который был максимально укомплектован кадрами.

Образцовый уком должен был своевременно отчитываться перед вышестоящими инстанциями. В августе 1922 г. Томский губком указал секретарям укомов на необходимость своевременного представления информационных материалов в ЦК и письменно секретарию губкома. В августе 1923 г. ЦК потребовал в двухмесячный срок пересмотреть состав заведующих учетно-статистическими отделами укомов и удалить всех беспартийных, а также кандидатов в члены РКП(б) и комсомольцев. В декабре 1923 г. ЦК обязал секретарей укомов ежемесячно посылать в губком закрытые информационные письма объемом в 3–4 печатных страницы.

Укрепление уездного аппарата во многом осуществлялось по отраслевому принципу. Каждый отдел Секретариата ЦК инструктировал «свое» нижестоящую структуру в губкомах и укомех. Особую активность проявлял учетно-статистический отдел ЦК. Без точных данных по уездам общепартийная статистика теряла свою значимость. Накануне XII съезда РКП(б) Секретариат ЦК обвинил уездные комитеты в том, что они затормозили реализацию многих статистических проектов центра. Уездная партийная статистика строилась под руководством губернской. С октября 1922 г. по март 1923 г. Томский губком направил на укрепление укомов 9 функционеров. Семь из них были командированы в учетные подотделы. В отчете губкома сообщалось: «Так как эта работа требует навыка и некоторой специализации, то эти работники предварительно обучались и испытывались на работе в учетном подотделе губкома и высылались на места только после приобретения соответствующей подготовки» [30]. Работа в области учета и статистики требовала достаточно высокой квалификации. Поэтому укомы подбирали в отделы тех, кто имел какое-либо образование.

Губернские комитеты постоянно инструктировали уездные. В свою очередь уездные функционеры регулярно объезжали волкомы и ячейки. Во второй половине 1921 г. члены Тюкалинского укома 26 раз выезжали на места. В октябре–ноябре 1922 г. секретарь Бийского уездного комитета лично обследовал 9 волпарткомов. За март 1924 г. инструкторы Каинского укома посетили все «свои ячейки». В начале 1925 г. в Татарском укоме Омской губернии продолжительностью командировок инструкторов составляла в среднем около двух недель.

В 1924 г. аппарат укомов активизировал инструктирование нижестоящих организаций. Показательная деятельность заведующего орготделом Новониколаевского укома по обследованию волкомов. С 14 января по 1 марта 1924 г. в Карсыпакской волости он провел собрание ячейки, установил партдень, дал указания по текущим делам. В Боровянском волпарткоме представитель укома добил-

ся избрания нового секретаря из числа районных инструкторов. В Коенской волости заведующий орготделом укома провел партсобрание. Он рекомендовал местным коммунистам избрать присланную из города учительницу-коммунистку секретарем ячейки. Представитель укома также составил план работы, подробно объяснил, как вести дела. В Ирминской волости функционер укома провел районное совещание секретарей волостных партийных комитетов и ячеек. Кроме того, представитель уездного центра разбираал личные конфликты, проверял на месте те заявления, которые ранее были поданы в уком.

Уездные комитеты выступали связующим звеном между губернскими и волостными парткомами. Над укомами постоянно нависала тень грядущего районирования, что не способствовало их укреплению. Уездные комитеты строились по образцу и подобию губернских и даже пытались копировать их штаты. Укомы считались отжившей структурой, поэтому их штаты безжалостно урезались. Сокращалось и общее число укомов региона вследствие образования промышленных райкомов. К концу 1925 г. уездные комитеты прекратили свое существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красный* путь. Омск, 1920. № 1. С. 17.
2. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б). 1920. № 10.
3. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б). 1921. № 21.
4. ЦХАФАС. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 107. Л. 70.
5. *Известия* Томского губкома РКП(б). 1922. № 15. С. 12.
6. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 55.
7. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б). 1921. № 30.
8. *Центр* документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 97.
9. *Коммунизм*. Иркутск, 1921. № 10–11. С. 21.
10. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. Л. 63–90.
11. ГАОНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 180. Л. 36.
12. *Известия* Енисейского губкома РКП(б). 1922. № 9. С. 24.
13. *Известия* ЦК РКП(б). 1922. № 2. С. 32–40.
14. *Коммунизм*. Иркутск, 1922. № 9. С. 21.
15. *Известия* ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 4.
16. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. № 56. С. 70.
17. *Справочник* партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 137.
18. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 67.
19. *Известия* ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 34.
20. *Вопросы* истории. 2005. № 2. С. 18.
21. *Известия* Томского губкома РКП(б). 1924. № 23. С. 15.
22. *Известия* ЦК РКП(б). 1923. № 5. С. 85.
23. ГАОНО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 347. Л. 5.
24. *Известия* Томского губкома РКП(б). 1924. № 23. С. 118.
25. *Провода*. 1924. 2 июля.
26. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 111.
27. *Коммунизм*. Иркутск, 1923. № 2. С. 37.
28. ГАОНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 585. Л. 89.
29. *Известия* ЦК РКП(б). 1924. № 5–6. С. 7.
30. *Известия* Томского губкома РКП(б). 1923. № 18. С. 15.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2008 г.